

ЗДОРОВЬЕСОХРАНИТЕЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ФОРМЫ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ФОЛЬКЛОРА

Анализируются возможности различных фольклорных форм, семантика и прагматика которых испокон веков обеспечивает целостность всякой нации. Приводятся здоровьесохранительные свойства таких фольклорных форм, как материнский фольклор (колыбельная, пестушки, потешки и др.), волшебная сказка и речевое оснащение детской игры. Автором предложены возможности передачи прагматики материнского фольклора.

Ключевые слова: фольклор, материнский фольклор, постфольклор, культура здоровья, здоровьесохранительные фольклорные формы.

Роль культуры в сохранении здоровья становится все более очевидной для ученых и широкой общественности. Растет интерес к психосоциальным и этнокультурным факторам, влияющим на здоровье. Исследования последних лет демонстрируют сложность и противоречивость корреляций между состоянием здоровья, уровнем смертности, выбором стиля жизни и различными социокультурными показателями [1]. Обусловленные этническими традициями отличия существуют и в понимании *здоровья-нездоровья*, и в восприятии причин душевно-физического дисбаланса, и стратегии решения возникающих проблем.

Медицина поведения или психология здоровья, не существовавшие еще несколько лет назад, возникли как ответ системы здравоохранения и науки на сложившееся многообразие представлений о здоровье. Изучение связей между мировосприятием и образом жизни, поведением и состоянием душевного и физического благополучия или неблагополучия позволит понять, как культура народа влияет на его здоровье, и добиться успехов в создании здоровьесберегающей образовательной среды, поскольку здоровье нации начинается в детстве. Тогда станет очевидной педагогическая проблема обеспечения такой деятельности, которая помимо всего прочего формировала бы в воспитанниках ценное личностное качество – культуру здоровья.

На наш взгляд, культура здоровья, представляет собой составную часть мировоззренческой позиции человека, проявлениями которой оказывается здоровьесотворяющее мышление и здоровьесберегающее, здоровьесформирующее поведение. Такая позиция ведет не только к совершенствованию индивидуального здоровья и стремлению качественно улучшить здоровье окружающих людей, но и к выстраиванию гармоничных духовно-нравственных отношений с природной и социальной средой, что обуславливает важность формирования культуры здоровья в онтогенезе человека.

Поиски традиционных оснований для воспитания культуры здоровья молодежи закономерно приводят нас в сферу фольклора. Именно здесь мы

обнаруживаем разнообразные здоровьесохранительные культурные формы, семантика и прагматика которых испокон веков обеспечивает целостность всякой нации, природосообразно упорядочивая вместе с тем быт и бытие каждого человека.

Любая человеческая культура обязательно несет в себе модель мира, созданную данной этнокультурной общностью. Эта модель воплощена в мифах, отражена в системе религиозных верований, воспроизводится в обрядах и ритуалах, закреплена в языке. Каждое новое поколение получает в наследство определенную картину мироздания, которая служит опорой для построения индивидуальной картины мира каждым отдельным человеком и одновременно объединяет этих людей как культурную общность. И если взрослый хочет приобщить ребенка к определенной системе мировоззренческих принципов, а значит, и определенной модели мироустройства, то он обязательно должен воплотить ее в виде словесного, образительного или поведенческого текста (рассказа, песни, сказки, картины, модели поведения и т. д.), который максимально легко и полно может быть усвоен воспитуемым [2]. Совокупность таких текстов и представляет педагогу фольклор.

Под термином «фольклор» в конце XX столетия перестают понимать исключительно искусство слова: устно-поэтические тексты или только облеченные в вербальные формы народные традиции. Рамки фольклора расширяются. Он уже рассматривается как комплексная научная дисциплина, предметом которой является вся совокупность явлений традиционной культуры народа в их единстве и взаимообусловленности [3]. Более того, появилось понятие «постфольклор», которое охватывает сложные семиотические ансамбли явлений так называемой третьей культуры, дистанцированной «и от культуры элитарной, официально санкционированной, и от патриархальной сельской («традиционно-фольклорной»)» [4]. Возникая в городе, а затем распространяясь далеко за его пределы, постфольклор, по мнению С. Ю. Неклюдова, идеологически маргинален подобно массовой

культуре, «полицентричен и фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества», многие его жанры обнаруживают высокую социальную трансмиссию.

Педагогический характер исследования ставит нас перед необходимостью очертить некоторые особенности фольклора как феномена культуры, как наследия традиционной мифопоэтической эпохи, сохраняющего осколки сокровенного знания наших предков. В. Я. Проппом на примере волшебной сказки и его последователями на материале других фольклорных форм было показано, что «отжившие установления» живут в фольклоре сконденсированными в виде знаков (сюжетов, мотивов, тропов) [5]. Тот аспект теории знаков, который связан с их использованием, в семиотике называется прагматикой. Основатель этой исследовательской традиции Ч. С. Пирс обратил внимание, что существуют две различные практики: практика человека, рассуждающего о мире, – практика познания и практика человека, в мире живущего и действующего. Последняя по Пирсу определяется верованиями, которые показывают привычку действовать определенным образом. «Деятельность мысли порождается сомнением и прекращается, когда верование достигнуто» [6].

Современное понимание того, как у человека складывается мировоззрение, «картина мира» и как знание, облеченное в речевую формулу, ставшее «верованием», приобретает статус действия, поступка, поведения, которое превращается в образ жизни, достигнуто благодаря фундаментальным исследованиям ученых разных отраслей. В разработку названных проблем внесли неоценимый вклад физиологи И. Павлов и А. Ухтомский, психолог и педагог Л. Выготский, лингвисты Э. Сепир и Р. Якобсон, филолог М. Бахтин, культуролог Ю. Лотман и многие другие. Таким образом, специфика фольклора обнаруживается на междисциплинарном пространстве семиотики, лингвистики, фольклористики, культурологии, социологии. Истинная сущность фольклора проявляется в процессе коммуникации, именно здесь осуществляется его бытие и раскрывается целесообразность.

Каждое событие коммуникации представляет собой сложное социальное действие. Адресант и адресат не просто участники речевого акта, их речевое взаимодействие обусловлено половозрастным статусом, социальными ролями, характером коммуникативной дистанции, контекста, в котором протекает обмен сообщениями, особенностями канала связи (непосредственный/опосредованный контакт) и другими параметрами. Профессор С. Б. Адоньева, анализируя разные способы репрезентации модели коммуникативного акта (Р. О. Якоб-

сон, Д. Хаймс, Б. Ю. Городецкий), останавливается на динамической характеристике социального взаимодействия и описывает его как процедуру, результат которой – факт изменения социальной реальности: «Принципиально важным является то, что социальное действие, которое по определению не может быть некоммуникативным, своим результатом имеет не только изменение действий принимающего партнера коммуникации..., но и изменение говорящего, инициатора события, а также всех тех видимых и невидимых наблюдателей, которых данная культурная традиция включает в контекст данной интеракции, поскольку все участники события коммуникации объединены общей реальностью прозвучавшего слова» [6]. В лекции, посвященной социальным функциям фольклора, С. Б. Адоньева дает такое определение: «Традиция, в том числе поведенческие образцы, воплощенные в устном безавторском слове, есть фольклор» [7].

В чем же заключается ценность владения фольклором с педагогической точки зрения? Какие его формы имеют ярко выраженные здоровьесохранительные свойства? Среди всего многообразия фольклорных жанров мы выделим для рассмотрения несколько, именно те, которые, на наш взгляд, наиболее эффективны в процессе воспитания культуры здоровья детей и молодежи, – это материнский фольклор (колыбельная, пестушки, потешки и др.), волшебная сказка и речевое оснащение детской игры (считалки, жеребьевки, дразнилки, поддевки). Как всякое явление фольклора, они, конечно, полифункциональны; мы приглядимся внимательнее к тому, какие кризисные, переходные моменты они обслуживают, как, обеспечивая психическую саморегуляцию, ролевую самоидентификацию, достижение нового личностного качества, эти вербально-поведенческие комплексы помогают ребенку, подростку, молодому человеку структурировать пространство окружающего мира и осознавать свое место в нем, восстанавливать душевное равновесие, возвращать себе внутреннее состояние целостности и сохранять его.

Для русской народной культуры было характерно стремление дать ребенку основные ориентиры как можно раньше, впрямь, задолго до того, как он будет этот мир практически осваивать сам. Построение картины мира ребенка начиналось уже в младенчестве через обращенный к нему материнский фольклор – колыбельные песни, пестушки, потешки и т. п. Они должны были обеспечить ребенку целостное мировосприятие и ощущение своей включенности в общий порядок мироздания, т. е. задать некую систему основных координат, помогающих ребенку самоопределиваться в жизненно важных отношениях с миром. И начиналось все это с выделения своего «Я» через осмысление ре-

бенком устройства своей телесности, что абсолютно необходимо для нормального умственного и личностного развития. Не случайно в народной культуре этот процесс направлялся и контролировался традицией. Столетиями передавались из поколения в поколение тексты материнского фольклора, обращенные к детям. В них оказались зафиксированными наиболее удачные по содержанию и по форме способы обучения ребенка пониманию собственного тела. Образные, рифмованные, легко запоминающиеся тексты пестушек, потешек, пальчиковых игр были общеизвестны. А потому даже самая глупая и нерадивая воспитательница, которая их использовала, волей-неволей развивала ребенка в соответствии с заложенной в эти тексты культурной программой [2].

Колыбельная – это песня, адресованная младенцу, находящемуся в состоянии перехода ко сну, и функционально направленная на его завершение. Колыбель (люлька, зыбка, качка) – первое собственное место ребенка в этом мире, его исходное личностное пространство. Важно знать ее устройство для понимания образности и семантики традиционных колыбельных. У большинства народов европейской части России, Сибири колыбель подвешивалась на крюк, это делалось не только из соображений удобства. Верили, что приподнятый над полом ребенок находится под покровом небесных сил. Легкая зыбка (кузовок), сплетенная из сосновых дранок, подвешивалась на черемуховых дужках к очеу и имела подножку для качания. Очеу – это гибкая жердь, прикрепленная к потолочной матице. На хорошем очеу зыбка колебалась довольно сильно, иногда на сажень от пола. Считалось, что такое качание от самого дня рождения с последующим качанием на качелях и вырабатывало особую закалку: моряки, выходцы из крестьян, весьма редко были подвержены морской болезни [8].

Висит колыбель На высоком на крюку. Крюк золотой, Ремни бархатные, колечки витые, Крюки золотые.

В колыбельных песнях такого типа утверждается высшая качественность и ценность занимаемого ребенком места, а младенчество описывается как идеальное состояние благополучия. Качающийся вверх зыбку очеу в мотиве качания символизирует жизненные устремления адресата-младенца и его рост. Таков смысл устойчивой начальной формулы многих колыбельных: «Качу-качу» // «На дубовом (вар.: кленовом, вересовом, высоком) очеу (очеу)». В данном случае очеу символически «ориентирует» ребенка по качеству (крепость) и определяет вектор развития (верх–рост) [9]. Таким образом, всякий раз, качивая дитя, мать совершала ритуальное действие-

заклинание, которым программировала, говоря современным языком, здоровье и духовное развитие своего чада.

Главной личностной задачей младенческого периода является формирование так называемого «базового доверия к жизни» – интуитивной уверенности человека в том, что жить хорошо и жизнь хороша, а если станет плохо, то ему помогут, его не бросят. Уверенность в своей желанности, защищенности, в гарантированности положительного отклика окружающего мира на его нужды младенец приобретает в ходе повседневных взаимодействий с матерью. Постоянство присутствия матери, точность понимания ею нужд младенца и скорость отклика на них, теплота отношения к ребенку, многообразие телесного и словесного общения с матерью имеют очень важный смысл для всей его будущей жизни. На этом глубинном чувстве базового доверия к жизни будет основан потом жизненный оптимизм взрослого, его желание жить на свете вопреки всем невзгодам и иррациональная уверенность в том, что все кончится хорошо. И наоборот, отсутствие этого чувства может в будущем привести к отказу от борьбы за жизнь даже тогда, когда победа в принципе возможна. По естеству мать – незаменимый проводник ребенка в жизнь.

Колыбельная песня заранее дает ребенку простейшую схему картины мира, знакомит с расстановкой сил, персонифицированных в образах людей, животных, мифологических персонажей, и с главными принципами, которыми должен руководствоваться человек, вступающий на дорогу жизни. Но кроме содержания семантическую значимость фольклорному тексту придает сама ситуация, в которой он функционирует. Обычно это вечернее время, когда после дневного шума и суеты наступает тишина и покой: в полумраке негромкий голос матери – единственное, что привлекает внимание малыша, который уже находится в особом состоянии душевной расслабленности. Благодаря ритму песни, согласованному с ритмами дыхания и качивающего движения, достигается состояние чуткого взаимодействия и особо тонкого эмоционального восприятия информации. Именно в эти моменты она усваивается максимально полно, откладывается в бессознательном на всю жизнь. А дитя засыпает эмоционально уравновешенным, умиротворенным. Так должно быть, чтобы ребенок рос здоровым в психическом, физическом, социальном отношениях.

Сон, с точки зрения психофизиологии, – это функциональное состояние мозга и всего организма, отличное от бодрствования, когда сенсорные воздействия внешнего мира отключены и не осознаются. Бодрствование и сон составляют единый суточный ритм. Цикличность присуща многим яв-

лениям в окружающем мире. Мы привыкли к ритмичной смене дня и ночи, времен года, работы и отдыха. Большое значение для всего живого имеют биологические ритмы, в первую очередь ритмы, обусловленные вращением Земли вокруг своей оси. У человека и многих животных период сна и бодрствования приурочен к суточной смене дня и ночи. Сон – витальная потребность. Нормальным считается сон достаточно крепкий, дающий после себя ощущение бодрости и отдыха [10].

Здоровьесберегающая функция колыбельной очевидна: благодаря ей обеспечивается формирование условного рефлекса засыпания, облеченного в культурные формы традиционного ритуализованного действия. Пока ребенок мал, его укачивают: «уговаривают» (велят спать: «Спи по ночам, // Раста по часам»), «завечают» (завет, заветание – акт на исполнение желания, здесь – желают здорового роста), «величают» (называя его по имени, придают высокий статус, разворачивают перспективу его будущей самостоятельной, взрослой жизни, где он обретет семью, будет работать, кормить и содержать своих собственных детей и родителей). Таким образом, семантика мотивов колыбельной позволяет ей выполнять успокоительную, охранительную, прогностическую и эпистемологическую функции [10].

В реальной, современной городской жизни ритуал укладывания (не укачивания) младенца уже другой, и все реже звучит классическая колыбельная, а значит ребенок с первых минут жизни лишен известной протекции. В ходе трансформации традиционного общества, вступившего на путь модернизации и техногенного развития, происходят разнообразные «поломки» механизмов передачи культурной традиции. Как в нашем случае. Во-первых, самой колыбели теперь нет. Качание детской кроватки, если она соответствующим образом устроена, незначительное и происходит в горизонтальной плоскости, что в итоге может привести к редукции символов *верха–роста* в семантической системе. Во-вторых, молодая мать не поет колыбельную, потому что, будучи маргиналом, ее не знает, нужды в ней не видит, да и времени, как ей кажется, на это не имеет: просто кладет ребенка на место, выключает свет, закрывает дверь, а сама садится к компьютеру. Даже молодая бабушка, выросшая в городе, в редком случае напоеет что-то большее, чем «баю-баюшки-баю, не ложися на краю». Но бывает и другое, когда она, повинувшись безотчетному чувству что-нибудь напевать малышу на сон грядущий, наивно поет любимое: «Сотня юных бойцов из буденовских войск на разведку в поля поскакала» или что-то подобное. Какая картина мира транслируется тогда?

Установить «место разрыва» в передаче традиции укачивать младенца с помощью колыбельной нетрудно. Поскольку любой фольклорный жанр осуществляется как событие коммуникации, когда обычай, поведенческий стереотип, воплощенный в слове-действии, передается из уст в уста, из рук в руки, то и колыбельная, чтобы быть схваченной памятью и потом переданной, как эстафетная палочка, должна быть услышана кем-то третьим – не младенцем, который под нее засыпает. В старину это было просто и естественно: «семья-то большая...». Большуха качает – молодка слушает да примечает, баба качает – девка слушает и запоминает, потом сама куклу качать станет, само собой запомнится: «как маманя делала». Так и сейчас происходит в деревнях и в городских семьях, где живут в многолюдстве, где сохраняются черты патриархального уклада и преобладают коллективистские установки.

Педагогическое значение традиционных фольклорных текстов связано с их своеобразной магической силой. Их образы необыкновенно емки, а словесные формулы недаром похожи на заклинание. Они легко проникают в самые глубины души, в ее бессознательные слои, потому что говорят на их языке [14]. Говорят о самом важном для ориентации этой души в земной жизни, о том, что кристаллизовалось в материнском фольклоре из огромного душевного опыта многих поколений людей, которые когда-то тоже учились жить на свете [2]. Что надо нам сделать, чтобы не прерывалась эта традиция? Где и как обучать прагматике материнского фольклора? В этом могут помочь:

– Женские консультации. Занятия с будущими матерями по подготовке к родам, психотренинги с молодыми семьями по ролевому взаимодействию. Образовательные сайты.

– Педагогические колледжи, учебные центры, вузы, факультеты, где готовят воспитателей детских садов, ясельных групп, учителей начальных классов – педагогический персонал для работы с дошкольниками и младшими школьниками. В учебных программах должен быть предусмотрен специальный практикум, в процессе освоения которого обучаемые не только запомнят тексты, но и поймут их функциональное назначение, научатся с ними действовать.

– Детские дошкольные учреждения, детские дома, дома малютки. Деятельность педагогического персонала. Игры детей с куклами в «дочки-матери». Фольклорные тексты в сборниках дидактических материалов для воспитателей и музыкальных работников.

– Детские телевизионные передачи типа «Спокойной ночи, малыши!».

– Кинематограф. Эмоциональные, запоминающиеся эпизоды пестования и укачивания малышкой обаятельными мамами, нянями, бабушками.

– Этнографические фольклорные коллективы. Концерты, камерные выступления с театрализацией, анимация музейных экспозиций. Медиа-продукция, аудиозаписи. Образовательные сайты.

Полифункциональность и универсальность сказки как воспитательного средства требуют особого разговора и отдельной статьи, поэтому в рамках заявленной темы только обозначим здоровьесохранительные возможности волшебной сказки.

Во-первых, она постепенно приходит на смену колыбельной, когда дитя подрастает и становится способным воспринимать сюжет. Семантика *перехода* обогащается за счет множества символов, сюжетных вариаций. Край, граница как свойство пространства переживается ребенком телесно, в фольклоре образно закрепляется бесчисленно: «не ложися на краю, придет серенький волчок...», «черна курица ряба на завалинке спала, прилетела сова, серьги вывернула, перья выщипала»; кот и дрозд уходят в лес дрова рубить, а петушку наказывают *в окошко* не выглядывать..., баба положила колобок на *окошко* простынуть, он и покатился *с окна на завалинку, с завалинки на дорожку*..., коза уходит в лес траву есть, козлятам наказывает никому *дверь* не отпирать..., отец с матерью собираются в город, дочке наказывают брата беречь, *на улицу* не ходить, гуси-лебеди прилетят...

Мы видим, как постепенно расширяется пространство безопасности (и сказка тщательно фиксирует это) по мере того, как ребенок приобретает навыки взаимодействия с предметами и субъектами, населяющими это пространство. Сказка предупреждает, предохраняет, служит инструкцией для исправления бедственной ситуации, обнадеживает. Но главное – она кодирует, делает знаками таинственные еще для малыша слова, сюжеты, тексты. И здесь сказка в полной мере выполняет свою эпистемологическую функцию.

В живой практике семейного воспитания волшебная сила сказки и ритуализованного действия для самых кризисных моментов почти не используется, очевидно потому, что даже молодые родители в свое время не поняли или уже забыли этот мифопоэтический язык. Как сказал Антуан де Сент-Экзюпери, «все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит». Между тем неожиданные «нормативные кризисы развития» лишают душевного равновесия, вызывают неконтролируемые отрицательные эмоции как у взрослых, так и у детей. Перечислим лишь некоторые ступени взросления, которые можно сказочно ритуализировать как инициации, не только сохранив здоровье ребенка, но и приумножив его за счет положительных эмоций семейного приключения, состязания, праздника (как фантазия подскажет): поступление в детский сад, в школу, вуз, поз-

воление гулять (добираться до школы) без сопровождения взрослых, первый выезд в детский загородный лагерь, разрешение гулять до полуночи, отправляться с друзьями на каникулы и т. п.

Социальное здоровье определяется как количество и качество межличностных связей индивидуума и степень его участия в жизни общества. На здоровье человека влияют разные социальные факторы: умение налаживать и поддерживать хорошие взаимоотношения с друзьями, другими людьми; вдумчиво организованный, разносторонний, познавательный и эмоционально насыщенный досуг с разумным включением в него оздоровительной практики [11].

Освоение техники социального поведения для ребенка происходит, прежде всего, в игре: здесь отрабатываются социальные роли с соответствующими речевыми тактиками и поведенческими моделями. Й. Хейзинга характеризует игру так: «это – действие, протекающее в определенных рамках места, времени и смысла, в обозримом порядке, по добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы или необходимости. Настроение игры есть отрешенность и воодушевление – священное или просто праздничное, смотря по тому, является ли игра посвящением или забавой. Само действие сопровождается чувствами подъема и напряжения и несет с собой радость и разрядку» [12]. Заметим, что игра отграничена, вычленена из потока жизни, задана рамками пространства и времени. Последние нам важны в их вербальном выражении: начало–конец. Эмпирически каждому человеку знакомо состояние внутреннего трепета, душевного напряжения перед началом какого-то дела: *лиха беда начало*. Для некоторых детей особенно сложно быть инициатором действия в ситуации коммуникации. Часто переход грани от неделания к действию, от старого дела к новому словесно оформляется различными формулами, особенно если дело коллективное: *С Богом! Начали! Поехали! Три-четыре, взяли! Шагом марш! и т. п.* Аналогично существует вербальный знак конца: *Слава Богу. Аминь. Готово. Точка. Кончено. Шабаш! Баста! Дело в шляпе. Кончен бал. Вот и вся недолга и т. п.*

В текстах детского фольклора находим множество малых форм, которые сопровождают детские игры. Считалки и жеребьевки определяют правила начала игры или перехода к очередному кону. Молчанки и специальные формулы задают паузу, которая может испортить игру, так как молча дети не играют: *Ехали бояре, кошку потеряли, кошка сдохла, хвост облез, кто промолвит, тот и съест. Прилетел скворец, сказал «конец»*. Дразнилки, подделки представляют собой законченные поэтические формулы, четко структурированные по при знаку «начало–конец».

Говоря о связи поэзии с игрой, Ё. Хейзинга обращает внимание, что «архаическая поэзия почти неотделима от древней формы поединка с мистическими и хитроумными загадками. Как соперничество в разгадывании загадок порождает мудрость, так поэтическая игра производит на свет прекрасное слово» [12]. Разное слово, добавим, сообразное цели. Так, Г. С. Виноградов показывает, как детская ссора превращает коммуникативное пространство в словесное ристалище, песенное прение, где баталия разыгрывается с применением всех жанров детской сатирической лирики: «Обыкновенно состязание продолжается до истощения запаса готовых и вновь родившихся издевательских формул в том и другом лагере» [13]. Какая польза ребенку от участия в таком словопрении? Прямая: отрабатываются техники ролевого взаимодействия, приобретается навык посредством своего речевого поведения организовывать деятельность другого человека. Кроме того, формируются социально важные личностные качества: активность, находчивость, остроумие, невозмутимость, умение дать отпор (отговориться), закончить неприятную игру, сохраняя достоинство. Публичным посрамлением отмечаются в поддевках и дразнилках поступки и качества, порицаемые детским обще-

ственным мнением: воровство, кляузы, нечистоплотность, обжорство, беспомощность [13].

Проведенное нами исследование показало, что материнский фольклор, волшебная сказка и детский фольклор в контексте игровой деятельности обслуживают важные переходные, кризисные моменты в жизни детей и молодежи, которые напрямую затрагивают их физическое, психическое, социальное и духовное здоровье. Структурируя пространство и время, человек телесно и духовно переживает критические точки: *начало, край, граница, переход, конец*. В жизни они на каждом шагу.

В данной статье затронут переход от бодрствования ко сну, начало и окончание детской игры, некоторые ступени детской социализации. Фольклор представляет собой уникальный культурный феномен: это образцы поведения, данные нам в речи и насыщенные такими глубинами смысла, над загадками которых мы можем биться всю жизнь; это семиотические культурные коды, не владеть которыми нельзя, потому что заложенная в них культурная программа гарантирует позитивное мировосприятие и здоровье личности, успешную регуляцию деятельности индивида и социума в противостоянии хаосу и сохранении целостности и незыблемости всего мира и каждой его клеточки – человека [15].

Список литературы

1. Триандис Гарри С. Культура и социальное поведение: учебное пособие / перевод В. А. Соснин. М.: ФОРУМ, 2007. 384 с.
2. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Изд-во «Питер», 2000. 288 с.
3. URL: <http://www.portalus.ru>
4. Неклюдов С. Ю. Несколько слов о «постфольклоре». URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm>
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991; Юдин Ю. И. Русская бытовая сказка. М., 1993 и др.
6. Адоньева С. Б. Фольклор: социальное действие и коммуникативный акт. Опыт междисциплинарного подхода // Рабочие тетради по компаративистике. Вып. 3–4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
7. URL: <http://rusmir.philarts.spbu.ru/umk/pragmatika-sovremennogo-folklor>
8. URL: <http://ru.wikipedia.org>
9. Головин В. В. Колыбельная песня: классификация мотивов. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/golovin1.htm>
10. Марютина Т. М., Кондаков И. М. Психофизиология, раздел II, тема 3.2. Психофизиология сна. URL: <http://www.ido.rudn.ru/psychology/psychophysiology/index.html>
11. Алямовская В. Г. Современные подходы к оздоровлению детей в дошкольном образовательном учреждении. URL: <http://dob.1september.ru/2004/17/10.htm>
12. Хейзинга Й. Homo ludens. Опыт исследования игрового элемента в культуре: Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Политиздат, 1991. С. 80.
13. Виноградов Г. С. Детская сатирическая лирика // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. М.: Ладомир, ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. С. 663.
14. Окушова Г. А. Человек образованный: о ценностных основаниях отечественной педагогики // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2009, № 8. С. 11–13.
15. Костюкова Т. А., Шульгин А. Православная педагогика в современной духовной ситуации // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2010, № 10. С. 25–30.

Конькина Е. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Оренбургский государственный педагогический университет.

Ул. Советская, 19, г. Оренбург, Оренбургская область, Россия, 460001.

E-mail: evgeniavk2@gmail.com

Материал поступил в редакцию 27.04.2010.

E. V. Konkina

HEALTH CONSERVING CULTURAL FORMS: SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE FOLKLORE

In article a possibility different folklore forms, semantics and pragmatics which ages provides wholeness to nations are analyzed. Features of health conserving of folklore forms, as maternal folklore (the lullaby and others), magic fairy tale and speech equipping of the baby play are defined. The author offered possibility of the issue of the pragmatics of the maternal folklore.

Key words: *folklore, maternal folklore, «postfolklore», culture of health, health conserving characteristic folklore forms.*

Orenburg State Pedagogical University.

Ul. Sovetskaya, 19, Orenburg, Orenburg region, Russia, 460001.

E-mail: evgeniavk2@gmail.com